

Пролог

Осень в Дагестане красива по-особенному. Она необычайно щедра на естественное разнообразье горных трав и лесов. И потому гравийная черная, посыпанная поверху шлаком извилистая дорога, идущая в гору, кажется здесь чужеродной. Справа от дороги стоит березовый лес, усыпавший вокруг землю желтоватой листвой. Кое-где листья все еще держались на отдельных ветках. Желтый цвет изредка разбавляется красной листвой не опавших еще осин. А по левую сторону от дороги, по всему склону горы, будто стекая к той же дороге, лежит дубрава. Из всех деревьев дубы теряют свои листья одними из первых, и они, вперемешку с желудями, до которых охочи обитающие в дубраве сороки и вороны, лежат и под мощными корявыми стволами старых дубов, и под молодыми деревцами, еще не успевшими вытянуться к солнцу. Изредка среди дубов просвечивают красные гроздья рябин. Согласно народной примете, если в лесу богатый урожай рябины, зиму следует ждать холодную и

снежную. А рябины довольно много, ее вполне хватает для того, чтобы зимующие на Северном Кавказе птицы могли в долгую и суровую зиму прокормиться.

По дороге в гору поднималась автомобильная колонна. Колонна состояла из трех грузовиков «ЗИЛ-131» и ехавшего первым бронетранспортера с откинутым до вертикального положения люком башни. И из этого люка по пояс высунулся, любуясь красотой окружающей природы и вдыхая чистый горный воздух, подполковник полиции. Дверцы кабин грузовиков украшали красные полосы с одинаковой белой надписью «Росгвардия».

Выстрел прозвучал неестественно громко и неожиданно, вызвав громкое карканье ворон и безудержный треск сорок, смешанный с треском дубовых веток. Вороны и сороки, естественно, решили, что стреляют исключительно по ним, чтобы помешать им питаться желудями, и сорвались с места, желая подальше улететь от дороги в глубину дубравы, на лету ломая мощными крыльями, тугими шеями и корпусами сухие тонкие ветви деревьев. Но стреляли, как оказалось, не в них. Подполковник полиции, что так безрассудно высунулся из бронетранспортера, желая побаловать себя несколькими глотками свежего горного воздуха, особен-

но чистого осенью перед первыми заморозками, откинулся в неестественной позе на башню БТРа, продолжая руками цепляться за открытую крышку люка, и даже слегка прикрыл ее, но чьи-то руки, более, видимо, сильные и крепкие, ухватили подполковника за ноги и, опасаясь повторного выстрела, затащили в башню. Причем сделали это настолько резко и стремительно, что подполковник просто не мог не удариться обо что-то в тесной башне. И он ударился челюстью о ребро крышки люка. Удар был сильным и звучным, но подполковник даже не ойкнул. Уже был, видимо, без сознания. А то, что его руки еще цеплялись за люк, — так это просто конвульсии, решат потом врачи и следователи, когда будут осматривать мертвое тело и определят, что у него в дополнение к «огнестрелу» еще и челюсть сломана, сломана в тот момент, когда его пытались спасти.

Едва подполковник оказался внутри бронетранспортера, как башня слегка повернулась в сторону и «заговорил», стреляя явно не прицельно, крупнокалиберный пулемет «КПВТ». Спаренный с ним пулемет «ПКТ» поворачивался молча вслед за своим собратом. Видимо, сам он был попросту не заряжен. Попал в кого-то крупнокалиберный пулемет или не попал, понять было невозможно, особенно если стрелок, сумевший

поразить подполковника, стрелял издалека. Если его и достала пуля, то он даже звука издать не сумел после попадания в него из оружия такого калибра. И услышать его падение было нереально. Разве что тело при падении начало бы ломать ветки, но расстояние могло бы скрыть и эти звуки.

С пассажирского сиденья грузовика выпрыгнул на дорогу капитан то ли полиции, то ли «Росгвардии». Он подправил на голове шлем, замахал руками, скрещивая их и останавливая два других грузовика. С пассажирских сидений из кабин выскочили еще по одному офицеру. Из первого грузовика покинул трехместную кабину третий офицер. Они бегом устремились к капитану. Он отдал команду, обернувшись к ним вполоборота, и зашепшил, опять на ходу отдавая команды, к заднему борту грузовика, на котором ехал сам. Не прошло и минуты, как два взвода ОМОНа и взвод СОБРа, рассыпавшись веером, двинулись в лес на тщательное «прочесывание» местности. Но в этот момент прозвучал второй громкий выстрел, и у всех на глазах голова капитана оторвалась от туловища и покатила под уклон, а потом остановилась у корней старого и мощного дуба. Пуля перебила капитану полиции шею и оторвала голову. Мощная, должно быть, была пуля...

* * *

Ситуация почти повторилась спустя две недели. Причем на той же самой дороге, только парой километров ниже, в самом начале крутого и извилистого подъема в гору. И березняк, правда, там был более молодой и, следовательно, более мелкий, и дубрава тоже начинались уже почти там, только по другую сторону дороги. Разница была в том, что вместо бронетранспортера теперь ехала боевая машина пехоты, из башни которой высунулся майор спецназа ФСБ, а в трех грузовиках располагались три взвода этого же спецназа. Громкий выстрел заставил чьи-то сильные руки ухватить тяжелораненого майора за ноги и втащить в башню, а вместо крупнокалиберного пулемета лес тотчас стала расстреливать наобум автоматическая нарезная тридцатимиллиметровая пушка «2А72», а нарезное стомиллиметровое полуавтоматическое оружие — пусковая установка «2А70» молчала, не собираясь зря портить лесные уголья, если никому не понятно было, откуда стреляли. Лязганье гусениц и шум двигателя даже при открытом люке не давали возможности определить нужное направление для стрельбы. Бойцы спецназа ФСБ точно так же, как двумя неделями ранее омовцы с собровцами, рассыпались, как и по-

ложено при необходимости прочесывания леса, повзводно, классическим веером, и бегом двинулись в лес. Возрастной капитан, покинув БМП через заднюю распашную дверь для десанта, устремился за ними, но тут прозвучал и второй выстрел. Капитан как бежал вперед, так и упал лицом на дорогу, в дополнение к пулевому ранению в грудь чуть ниже шеи заработав кучу порезов лица шлаком, рассыпанным по дороге. Дорогой пользовались редко, и шлак укатать еще попросту не успели. Но на это, как говорит практика, требуется не один год.

Как и в первый раз, поиск ничего не дал. Не было даже определено место, откуда производились выстрелы. И не потому, что его не искали, а потому, что невозможно же забраться в лесу на каждое дерево, чтобы найти «лежку» стрелка. А стрелял он, определенно, с заранее подготовленной позиции, какие часто делают охотники на кабанов, любителей полакомиться желудями в дубровнике. Но судя по тому, что все четыре выстрела были точными и направленными, говорить о случайном выстреле одинокого охотника не приходилось...

Глава 1

Старший лейтенант спецназа военной разведки, командир отдельного взвода Сергей Николаевич Сергеев молча выслушал сведения о появлении неведомого стрелка.

— А что же сами собровцы с омовцами и спецназ ФСБ его не ловят?.. — спросил он у начальника штаба сводного отряда в регионе Северного Кавказа майора Одуванчикова, который и поставил его в известность о появлении в горах абрека. В руке майор держал лист принтерной распечатки с данными о происшествиях. Распечатка была сделана на бланке МВД, о чем говорила эмблема полиции, хорошо видимая старшему лейтенанту, стоящему по другую сторону письменного стола. Должно быть, это было обычное письмо, потому что лист хранил сгибы, которые возникают после того, как его засовывают в конверт, а в правом верхнем углу не было заметно ни грифа секретности, ни даже грифа «для служебного пользования». — Почему опять на нас это взваливают?..

Майор Одуванчиков устало ответил:

— Беспричинное убийство, как считается, характерно только для абреков, ненавидящих всех представителей власти. Беда в том, что здесь силовики в основном все местные — редко можно встретить кого-то из глубинной России. Хотя есть старики. Но и они, кто здесь давно служит, придерживаются местных обычаев. И потому не желают связываться с абреком. Абрек на Кавказе — уважаемый человек. Чуть ли не борец за правду, любимец обездоленных. За его смерть кровная месть полагается. А она, да будет тебе известно, на всю семью распространяется. Люди детей своих берегут. И жен тоже, которые за себя постоять не смогут. А таких, я про обездоленных говорю, всегда найдется куча. Ты, Сергей Николаевич, не слышал про историю Хасухи Магомадова?

— Никак нет, товарищ майор, не слышал.

Старшему лейтенанту Сергееву было легко работать с этим начальником штаба. Командир отряда не так давно получил в бою тяжелое ранение. Старому начальнику штаба присвоили звание подполковника и назначили командиром отряда, а на должность начальника штаба перевели командира разведроты, за какие-то особые заслуги только недавно получившего внеочередное звание майора. Начальник штаба ненамного

был старше Сергеева и потому с ним общаться было легко. Почти ровесники все же легко друг друга понимают.

— Был такой абрек, чеченец по национальности, отец пятерых детей. Погиб он в семьдесят один год. Ему было тридцать девять лет, когда он зарезал своего «кровника» и попал в тюрьму. Из тюрьмы бежал в горы и стал абреком. И поймать или убить его не могли с тысяча девятьсот тридцать девятого вплоть до марта тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Но и после того, как Магомадова застрелили, силовики боялись подойти к телу — сначала направили родственников для опознания. Вот такой страх он на них нагонял, этот Хасуха. А теперь еще один абрек появился. Кто он такой, неизвестно. И никто не знает, откуда он взялся и что им руководит... Что заставило человека в горы уйти... Одним словом — эндемик местный. Знаешь, что такое эндемик?¹

— Слышал. И как его ловить? Этого вот я не знаю, — заявил старший лейтенант напрямую, не опасаясь показаться беспомощным, поскольку хорошо понимал, что любое дело начинается со

¹ Эндемик — это виды животных и растений, которые встречаются на ограниченной территории в естественной среде обитания. (Прим. ред.)

сбора информации, а он пока никакой информацией не обладал. — И где его искать?

— Для начала я бы лично рекомендовал тебе определиться с мотивом обстрела абреком спецназовцев. Не бывает немотивированных преступлений. Тем более таких тяжких, как убийство. А искать, я думаю, следует начать там, где абрек дважды стрелял по федеральным автоколоннам. А вот как ловить — это ты уже сам соображай. Посоветуйся с ментами, по которым стреляли, посоветуйся со спецназом ФСБ, где двух офицеров подстрелили... Я тебе даже машину прикажу выделить, чтобы к ним съездить. Вот тебе две фамилии, один — бывший офицер из республиканского главка МВД, сейчас он в «Росгвардии» числится, с тех пор как ОМОН и СОБР в «Росгвардию» передали, другой — из республиканской ФСБ, следователь. — Майор написал на листе бумаги две фамилии с номерами телефонов и подвинул листок к старшему лейтенанту. Тот прочитал, сложил лист вчетверо и сунул в карман. — Ищи какие-либо общие признаки, связывающие два происшествия, признаки, на которых можно поймать абрека. И выманивай его... Место преступления — уже один общий признак. Ищи и другие...

— На «живца», что ли, ловить и самому выступить в этой роли?

— Можно и так, если сумеешь обеспечить себе безопасность.

— Вот это, последнее, меня и смущает. Как себя в данном случае обезопасить? Если спрячусь — абрек стрелять не будет. Не другого же вместо себя подставлять.

— Думай. Соображай. Голова-то тебе, надеюсь, для этого и дана.

— Надеюсь, что не только для этого... — самодовольно усмехнулся старлей.

Старший лейтенант, на взгляд начальника штаба, был по-мужски красив. И он сам это отлично осознавал и этим гордился. Лицо у него было мужественное, с абсолютно правильными чертами. Наверное, женщины к нему так и липли. «Не зря же Сергеев, — подумал майор, — до сих пор холост. Пользуется, похоже, своей популярностью у противоположного пола по полной программе и не собирается пока жениться».

— Все остальное преходяще и уходяще. Будь к этому тоже готов... — уверенным тоном старшего по званию и по должности, а может быть, даже в некоторой степени и по жизненному опыту заключил майор. — А пока иди. Не забудь потом план мне представить. Если сам надумаешь что. А если в голову ничего не накатит, обратись в оперативный отдел. Капитан Мимохожий го-разд на разные хитрые выдумки... Обо мне ему

не упоминай. Он ко мне не очень хорошо относится. Рассчитывал, как я понимаю, стать начальником штаба, а тут мне майора присвоили и начальником штаба назначили, а капитан Мимохожий на прежнем месте остался. У него, говорят, в Москве поддержка мощная есть, но и она не помогла... Вопрос выше решался и в срочном порядке. Меня на майорскую должность требовалось пристраивать. Я Мимохожего понимаю и на него не в обиде, а вот он... Короче, иди и подумай... Собери сведения...

Старший лейтенант покинул кабинет начальника штаба, минуту постоял в коридоре, раздумывая, потом двинулся в сторону стойки дежурного по штабу, чтобы выпросить дежурную машину, обещанную начальником штаба. Дежурный, недолго думая, позвонил в кабинет через стену самому майору Одуванчикову, выслушал его распоряжение, после чего созвонился с дежурным по гаражу и затребовал машину.

— Иди, старлей. Машина сейчас будет у главного выхода... Уже из ворот выезжает.

Сергеев вытащил из кармана листок, достал мобильник и позвонил по указанному майором номеру телефона. О своем визите он договорился с взявшим на том конце беспроводной линии человеком и при этом не забыл попросить его заранее заказать пропуск.

— В Махачкалу. В главк МВД, — дал старший лейтенант указание водителю, когда с максимальным удобством устроился на переднем пассажирском сиденье. О том, что переданные «Росгвардии» ОМОН и СОБР республики еще занимают площадь в здании МВД, старший лейтенант знал от майора Одуванчикова.

Добрались на удивление быстро. Дорога в ранний утренний час была почти пустынна, хотя уже через пару часов, как знал Сергеев, пришлось бы медленно двигаться за какими-нибудь машинами, идущими со стороны горных районов республики, редко имея возможность совершить обгон из-за разбитого дорожного полотна. Причем в первой половине дня автомобили движутся в основном в сторону Махачкалы, а во второй больше в обратную сторону. Таким образом, командир отдельного взвода военной разведки уже планировал свое возвращение из столицы Дагестана.

Пропуск старшему лейтенанту уже заказали. Он довольно быстро получил его в бюро пропусков и, стоя на крыльце, позвонил майору ОМОНа Махалу Камиловичу Адилову, к которому его и направил майор Одуванчиков. Позвонил он с тем, чтобы Махал Камилович встретил его, поскольку в большом здании Министерства внутренних дел недолго и заблудиться человеку,

попавшему сюда впервые. Это Сергееву сказал младший сержант полиции, которому старший лейтенант показал свой только что полученный пропуск.

— Вы у нас уже бывали раньше, товарищ старший лейтенант? — с жутким акцентом, коверкая слова, спросил младший сержант.

— Нет. В первый раз.

— Тогда скажите, к кому вы. Я человеку позвоню, он встретит. А то еще заблудитесь...

— Я сам позвоню ему... — Старший лейтенант вытащил мобильник и вышел за дверь на крыльцо с большими колоннами.

— Товарищ майор, старший лейтенант Сергеев. Я прибыл и пропуск уже получил. Только дежурный постовой опасается, что я заблужусь. Вы не могли бы меня встретить? Я между центральными колоннами стою.

— Быстро же вы добрались. Как я вас узнаю?

— Я единственный здесь военный. Остальные из полиции.

— Значит, разберусь. Иду...

Ждать идущего майора пришлось почти двадцать минут. Сергей Николаевич начал уже подумывать, не позвонить ли ему снова, когда из распахнувшейся настежь двери вышел, как вы-

катился, небольшого роста коренастый человек в черной униформе с пластиковыми наколенниками и налокотниками, с погонями майора и с трафаретной надписью «ОМОН» на спине. Окажись на майоре бронезилет, а в руках автомат, старший лейтенант решил бы, что появился совсем не вовремя и ОМОН готовится куда-то на выезд.

Майор с хмурым видом кивнул то ли кому-то, то ли в ответ на собственные мысли, которыми, похоже, была загружена его голова и, не глядя на старшего лейтенанта, сделал Сергееву приглашающий жест рукой. Старший лейтенант шагнул вслед за майором в двери.

— Что мой кабинет-то искать? — недовольным тоном высказал майор часовому. — Проще простого...

Пока часовой молча заносил данные из пропуска старшего лейтенанта в большую общую тетрадь, прошитую и опечатанную, Адилов уже успел пересечь половину просторного фойе и устремился было к широкой лестнице, но его задержал капитан. Схватив майора за рукав и не выпуская, похоже, из опасения, что тот улизнет, капитан едва не сорвал с Адилова пластиковый налокотник. На Сергееве были точно такие же налокотники и наколенники, как и на майоре ОМОНа, но форма была другого цве-

та и не имела трафаретной надписи на спине. Однажды, еще в военном училище, тогда курсанту Сергееву довелось участвовать в учениях, и, не имея в своем арсенале ни наколенников, ни налокотников, не входящих тогда в обычную форму одежды военнослужащего, пришлось больше часа передвигаться ползком. Он стер до крови и локти, и колени, и долгое время после этого носил на руках и на ногах предохраняющий бандаж. С тех пор начал уважать такой внешне простой предмет экипировки. И не снимал практически никогда. По крайней мере на службе.

Майор Адилов быстро завершил разговор с остановившим его капитаном, тем не менее Сергеев успел его догнать. По лестнице Махал Камилевич шагал через ступеньку, слегка наклонившись вперед и вынуждая неторопливого старшего лейтенанта тоже шагать через ступеньку. На втором этаже они свернули налево и скоро вошли в кабинет, в котором сидели еще трое омоновцев — два прапорщика и капитан.

— У меня разговор конфиденциальный... — сказал им Адилов, и все трое, не сказав ни слова, вышли. Майор сел верхом на стул перед своим, видимо, столом и поднял глаза на старшего лейтенанта. И Сергеев только сейчас обратил внимание, какие раскосые у майора глаза, с яв-

ным эпикантусом¹. Хотя майор и носит дагестанские фамилию, имя и отчество — он, скорее всего, был метисом, один из родителей которого представлял монголоидную расу. Скорее всего, это была мать, поскольку сыновья обычно бывают похожи лицом на мать, а дочери на отца. Это может и ничего не значить в расследовании, но может и многое значить. К примеру, Адилов может без уважения относиться к абрекам. И на этом можно будет сыграть.

— Как там у вас, в спецназе ГРУ, капитан Одуванчиков поживает? — издалека начал разговор Махал Камилович.

— Спасибо. Хорошо поживает. Только он уже не капитан, а майор и наш начальник штаба.

— Сравнялся, значит, со мной званием... — Адилов покачал головой. — Годами только не сравнялся. Но быстро же он карьеру делает.

— Быстро, — согласился старший лейтенант. — Прибыл на Северный Кавказ капитаном, командиром разведроты. Здесь досрочно получил майора — видимо, заслужил. А потом...

¹ Эпикантус — часть складки верхнего века у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок. Один из признаков, характерных для монголоидной расы, редкий у представителей других рас. (Прим. авт.)

— Заслужил, — согласился Адилов. — Он человек толковый. Просто так, кому не попадя, звания ни у нас, ни у вас не дают.

— А потом у нас командира отряда серьезно ранили, начальника штаба перевели на его место, а вместо майора Смурнова поставили майора Одуванчикова, — продолжил Сергеев. — Разведрота Одуванчикова, отработав положенные полгода, к месту постоянной дислокации отправилась, а Смурнова с Одуванчиковым оставили еще на четыре месяца. Присматриваются, похоже, к ним.

— Надо же, какие перемены, а я и не знал. И даже письмо к вам в отряд готовил на имя подполковника Репьина, вашего бывшего командира отряда. И наше руководство подписало, не глядя. Оно-то о переменах должно было знать.

— Должно, — согласился Сергеев. — Но, должно быть, как начальству и положено, оно привыкло только фамилии видеть, а на звания внимания не обращает. Однако начальство от нас никуда не денется, а мы — давайте вернемся к нашим делам.

— Да-да... — кивнул Адилов и опустил взгляд в стол. Так его эпикантус стало почти совсем не видно. И даже глаза уже не казались такими раскосыми, как прежде. — Так чем могу быть тебе, старлей, полезным?

— Мне поручили поиск и ликвидацию абрека, что появился в горах. Вас, товарищ майор, как я понимаю, этот вопрос тоже сильно волнует.

— Да, как раз по этому вопросу я и готовил письмо в ваш отряд. Для нас это дело чести, а для вас, как я понимаю, повседневная работа. Кроме того, и у меня, и у моего руководства есть опасения, что, если наши парни доберутся до абрека, он не доживет до суда — кавказский горячий характер, понимаешь ли... А это пятно на МВД и разбирательство обстоятельств дела. А нам этого не надо.

— Так точно. Вам не надо пятно, а для нас это повседневная работа. И мы привыкли свою работу выполнять с высоким качеством. А для этого хотелось бы знать подробности произошедшего. Я в курсе, что вы, товарищ майор, не были непосредственным участником событий. Тем не менее как человек, конкретно отвечающий за действия республиканского ОМОНа, подробности дела вы должны знать.

Майор Адиллов встал, повернул стул сиденьем к столу, вытащил из накладного кармана связку ключей и открыл стоящий позади стула сейф. Сейфа было два, невысокие, и стояли они один на другом. Нижний был распахнут — в нем, видимо, ничего секретного не хранилось. А из верхнего Махал Камилович вытащил светло-коричне-

вую папку-скоросшиватель и бросил ее на стол перед Сергеевым.

— Вот, можно ознакомиться. Рапорты нескольких участников. Документы не секретные. Могу для тебя даже скопировать. — Адилов кивнул на стоящий на широком подоконнике компактный ксерокс.

— Если не трудно... — попросил Сергей Николаевич. — Я в машине прочитаю. А пока на словах расскажите о происшествии.

Майор Адилов потер, сосредоточиваясь, лоб и начал рассказывать. Он тер его по поверхности какого-то старого, довольно-таки большого шрама, пересекающего лоб наискосок. Сергей Николаевич подумал, что Адилова или звезданули в лоб малой саперной лопаткой — хотя после такого удара, как правило, не выживают, поскольку лопатка прорубает череп, или ударили наотмашь прикладом автомата, или, на худой конец, жена его огрела торцевым краем горячей сковороды. В принципе, старший лейтенант не услышал ничего нового. Все уже раньше было рассказано майором Одуванчиковым, который знал подробности дела из совместного письма главка МВД и управления «Росгвардии» в сводный отряд спецназа. И пересказал его Сергееву. Хотя речь армейского майора не была такой эмоциональной и ярко раскрашенной, как речь майора Адило-

ва, несущая явственный энергетический заряд, выраженный в ненормированной лексике, про-износимой и кстати, и некстати. Это и понятно. Были убиты сослуживцы майора, скорее всего, те, кого он хорошо знал, — командир отряда и его заместитель. И желание Махала Камилевича отомстить за них в его эмоциональной речи явственно прослеживалось. Менты не любят, когда убивают их сослуживцев. Даже в сводном отряде спецназа ГРУ этого не любят, хотя этот отряд состоит в основном из временно прикомандированных, и до прибытия в Дагестан спецназовцы обычно не знают друг друга.

— Это все я уже знаю из вашего письма в отряд, — сказал Сергей Николаевич. — Меня детали интересуют, какие-то общие детали между двумя нападениями, на которых можно, подстроив их, сыграть, чтобы заставить абрека совершить новое нападение. А как иначе его найдешь?

— Общие детали... — задумался майор ОМОНа. — Ну, разве что общее количество выстрелов и направление первого выстрела. Первый выстрел и в том, и в другом случае был направлен в человека, который высунулся из люка бронированной машины, в первом случае был из БТРа, во втором — из БМП. А самих выстрелов было оба раза по два. И еще пули. Они нестандартные. Мы извлекли пулю из тела убитого подполковника и

отправили ее на экспертизу. Вторую пулю нам найти не удалось, она улетела куда-то в сторону. Видимо, столкнувшись с костью, изменила направление, хотя и расколола саму кость шейного позвонка. Короче говоря, наши эксперты были просто в шоке. Они не смогли определить вид оружия. И только в одном сошлись во мнении, что пуля самодельная. Но даже ее калибр определить не сумели. Эксперты утверждают, что впервые с подобным столкнулись. Словно бы и не боевое оружие, но большой убойной силы! Какое-то самострельное, что ли... Но вот ФСБ, после стрельбы по их спецназу, провела собственную экспертизу, — вдруг оживился майор. — Может, они тебе что-то дельное подскажут. У них все-таки были две пули. Вдвое больше возможностей для анализа. Обратись в следственное отделение ФСБ...

— Обязательно обращусь. Сразу от вас туда поеду... Как только вы мне копии с рапортов и копию заключения баллистической экспертизы сделаете. Она же тоже, как я понимаю, не может быть секретной...

Глава 2

Снизу, из фойе, Сергеев позвонил старшему следователю следственного отделения ФСБ по особо важным делам подполковнику Исмаилу

Латифовичу Абдуллаеву и договорился о встрече. Не забыл попросить заказать заранее пропуск.

— В республиканскую ФСБ, — дал он команду водителю.

— На улицу Дахадаева? К боковому подъезду? — переспросил водитель, уже тронувшись с места.

— Почему? К главному входу. Не знаешь, что ли? Проспект Расула Гамзатова.

Водитель не стал объяснять, почему желал подъехать к боковому подъезду. А у старшего лейтенанта голова была занята своими мыслями, и он не стал спрашивать. Майор Одуванчиков, преждевременно пугая, рассказывал, как работает чрезвычайно толстая женщина в бюро пропусков. Но Сергееву повезло. Видимо, в этот день работала другая смена или ту неповоротливую толстячку попросту уволили, найдя ей достойную замену. Пропуск ему выписали быстро и без проволочек. Рядом с часовым стоял и дожидался Сергея Николаевича человек в гражданской одежде. Как оказалось, это и был старший следователь по особо важным делам подполковник Абдуллаев. Таким образом, старший лейтенант довольно быстро оказался в его тесноватом кабинете на втором этаже, хотя здание и пришлось обойти, чтобы войти в него через

боковой подъезд. Сергеев посмотрел на указатель адреса на углу дома и удивился, увидев, что подъезд находится на улице Дахадаева. Он вовремя обернулся и увидел, как дежурная машина переезжает на другую стоянку, поближе к боковому подъезду. Значит, искать машину после выхода не придется.

— Чем могу быть полезным, молодой человек? — сразу поинтересовался подполковник. Должно быть, он не стал называть старшего лейтенанта Сергеева по званию, потому что сам был не в военной форме.

— Я, как командир отдельного взвода военной разведки, получил от своего непосредственного руководства задание найти и уничтожить неизвестно откуда взявшегося в горах абрека. К нам в отряд с официальным совместным письмом обратились специалисты из главка МВД республики и из «Росгвардии» с просьбой поймать или уничтожить этого убийцу.

— В современных условиях, как я понимаю, только возникновение нового абречества нам и не хватает, — в тон старшему лейтенанту проговорил подполковник.

В развитие темы пришлось Сергею Николаевичу повторить и все то, что он уже говорил майору Адилову, и даже то, что майор Адилов говорил ему самому. Последнее в основном касалось

результатов экспертизы. Пришлось даже совет омовца выложить и, более того, даже попросить в ФСБ данные экспертизы.

— Это же для общего дела, — добавил старший лейтенант, заметив, как поморщился подполковник при словах о данных экспертизы. Но Исмаил Латифович тут же поспешил успокоить командира взвода военной разведки, сообщив, что у него после ранения в голову появился нервный тик и это именно он заставляет подполковника время от времени непроизвольно и не к месту морщиться. И попросил не обращать на это особого внимания. Подполковник оказался человеком культурным и понимающим, что его нервный тик может быть неправильно истолкован.

— А что касается абрека, то наша служба готова к сотрудничеству. К сожалению, мы сами просто не имеем физической возможности плотно заниматься данным вопросом. Вот я, например, как старший следователь, веду сразу девять уголовных дел. Правда, три из них уже практически готовы для передачи в прокуратуру для вынесения обвинения, но остаются еще шесть. А это, скажу честно, очень много. Кроме того, по должности своей я пустяками не занимаюсь. Все дела серьезные. По большей части — убийства и крупные хищения. А доказательств обычно — кот наплакал. И наше ведомство будет очень радо,

если ваша служба возьмет на себя выполнение этой конкретной задачи. Что касается данных экспертизы — копию я вам, конечно, сделаю. Но могу сказать следующее: эксперты сами в растерянности. Они не могут определить ни вид, ни даже калибр оружия, из которого стреляли. Есть даже предположение, что выстрелы сделаны из разного оружия, но схожего по своим тактико-техническим параметрам. И оружие это, вне всякого сомнения, нарезное — на остатках одной пули сохранились среды от нарезков. Даже было озвучено мнение, что это охотничье оружие. Хотя, с другой стороны, трудно предположить, что это правда. Охотничьи ружья обычно применяют на минимальной дистанции стрельбы и редко бывают нарезными. А так рисковать — чтобы стрелять с короткой дистанции, на подобное ни один здравомыслящий человек не решится. Попасть после собственных выстрелов сначала под неприцельный обстрел крупнокалиберного пулемета, а потом под хаотичный обстрел автоматической пушки, стреляющей фугасно-осколочными снарядами — нет, это слишком большой риск заработать пулю или ранение и на этом погаснуть. Мы обзванивали все больницы в интересующем нас районе и в прилегающих к нему районах, в том числе и в Чечне. Кроме того, обзвонили всех частнопрактикующих врачей в воз-

можном районе обращения абрека. К ним с огнестрельным ранением никто не обращался. Это официальные данные. Что еще вашу службу интересует?..

— У меня есть конкретное пожелание нашего начальника штаба майора Одуванчикова...

— Слышал про такого. Говорят, грамотный офицер...

— Говорят... — согласился старший лейтенант. — Видимо, говорят правду. Так вот, майор Одуванчиков посоветовал мне найти какие-то общие моменты в двух ситуациях, чтобы создать третью, похожую. И на этом попытаться поймать абрека.

— То есть организовать ловлю «на живца»... — сразу просчитал ситуацию подполковник Абдуллаев.

— Да... Примерно. И я согласен сыграть роль этого самого «живца», — твердо сказал старший лейтенант.

— Но это же чрезвычайно опасно, — возразил подполковник.

— Но кому-то и когда-то нужно рисковать. У нас вся служба на риске построена. И потому мы всегда готовы к опасности.

— Ну, если вы готовы, то я могу сообщить только одну характерную черту в этом деле. В обоих случаях первая пуля доставалась тому,

кто командовал и потому ехал на бронетехнике, но высунувшись наружу. В здешних местах это считается серьезным нарушением — высываться из бронетехники категорически не рекомендуется, и тем не менее мы имеем два случая с трагическим исходом. Правила разрешают открывать только люк, но это, как вы, должно быть, знаете, предохранительная мера. Своего рода профилактика.

— Да. Знаю. У нас точно такие же правила. Это на случай попадания термобарической гранаты. Открытый люк позволит более-менее сохранить давление в машине. Но какое дело бойцу, извините, до этого? Термобарическая граната создает в эпицентре температуру около трех тысяч градусов. Сгорит боец заживо за секунду или за ту же секунду погибнет от перепада давления — не все ли равно погибшему. А в открытый люк забросить гранату проще. Если умеешь, конечно, бросать прицельно. А из гранатомета можно и рикошетом от крышки люка попасть. Я сам такого умельца знаю, специалиста по рикошетам. У меня во взводе служит.

— Еще что хочу заметить... — сказал подполковник ФСБ. — По показаниям свидетелей, выстрелы звучали очень громко, словно стреляли из снайперской винтовки калибра двенадцать и семь миллиметра. По звуку это сопоставимо

с легким артиллерийский орудием времен Великой Отечественной войны. Скажем, с противотанковой легкой пушкой калибра семьдесят шесть миллиметров. Но это может быть и результатом горного эха. Дорога-то проходит между двух склонов. И еще интересный факт — подполковник ОМОНа высунулся из люка, когда механик-водитель сказал что-то про окружающую красоту, и примерно такая же фраза прозвучала со стороны мехвода¹, когда высунулся командир отряда нашего спецназа. Впечатление складывается такое, что это механики-водители дают команду и командирам, и стрелку-абреку одновременно.

— У нас механики-водители сплошь младшие сержанты контрактной службы. Как они могут дать мне команду? К тому же у нас, как и у вас, и у полиции, я думаю, связь действует только внутри бронемашины. Стрелку мехвод никак команду отдать не может.

— Тем не менее это факт, — сказал подполковник Абдуллаев.

— Да, связь существует только внутри машины — так во всей армии. Как и в отдельных

¹ Мехвод — на армейском жаргоне так называют механика-водителя бронетранспорта или боевой машины пехоты.